

УДК 34; 086
ББК 67; 92
А72

Автор идеи и составитель — заслуженный деятель науки
Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ
Баранов Владимир Михайлович

Антология юридического некролога / Автор идеи и составитель
А72 В.М. Баранов. — М.: Издательский Дом «Городец», 2019. — 1296 с.
ISBN 978-5-907085-16-9

В сборник вошли некрологи о юристах — память не только о правоведах, но и о самой юриспруденции. Они не позволяют равнодушно забыть, «отправить в небытие» как юристов, так и правоведение. Это реальная возможность сохранения памяти о людях, посвятивших свою жизнь служению закону.

Для юристов и широкого круга читателей.

УДК 34; 086
ББК 67; 92

ISBN 978-5-907085-16-9

© Баранов В.М., автор идеи и составитель, 2019
© Издательский Дом «Городец», 2019

ПАМЯТЬ РАЗУМА И СЕРДЦА (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Известный французский писатель-моралист Люк де Клапье Во-венарг (1715–1747) писал: «Предисловие — это обыкновенно защитительная речь, в которой все красноречие автора не может все-таки улучшить его дело, — речь, которая одинаково не способна ни возвысить цену хорошего произведения, ни оправдать дурное».

Составитель предлагаемого вниманию читателей сборника заведомо не ставил перед собой цели ни возвысить сделанное, ни оправдать возможные недоработки.

Некролог — всегда память, правильное или неправильное отношение к собственной памяти, к социальной памяти. Некролог — слово о мертвых, концентрирующее разум и чувства, мысли и эмоции. Достичь гармонии этих составляющих в некрологе трудно, может быть даже невозможно.

Мария Степанова в книге «Памяти памяти» (М.: Новое издательство, 2017) заметила, что «мертвые — это пораженное в правах меньшинство, потому что на их личные истории каждый может покуситься». Жанр некролога из многих иных текстов об умерших меньше всего «склонен» к субъективности, хотя совсем от нее свободным быть не может. В рецензии на эту книгу (опубликована в газете, выпускаемой учеными и научными журналистами) Александр Марков отметил: «... Память никогда не бывает естественной или культурной данностью; напротив, она столь же неуловима и при этом столь же необходима, как истина». Тонкостью и изысканностью отличаются и такие его суждения о памяти: «Память — не способ лучше или хуже передать чувства и мысли, но единственный желанный предмет мысли и чувства»; «Память не только воскресает, но и продолжается после воскресения»; «Память открывается нам не как ряд воспоминаний, но как постоянная работа над собой, как попытка жить после катастрофы или после тяжелой цепи неудач»*.

Некрологи о юристах — память не только о правоведах, но и о самой юриспруденции. Они не позволяют равнодушно забыть, «отправить в небытие» как юристов, так и правоведение.

«Антология юридического некролога» — первый и пока единственный опыт издания совершенно особого рода. Отсюда и определенная трудность поиска материалов, с которой столкнулся составитель. Главное — нравственная сторона работы над таким сборником. Конечно, у одних читателей предлагаемое издание может вызвать недоумение — а нужно

* Марков А. Память о чем-то большем // Троицкий вариант. 2017. № 23 (242). 21 нояб.

ли оно вообще? У других, наиболее категоричных, — и вовсе полное неприятие, вплоть до обвинения составителя в морально-некрофильских наклонностях, то есть в насилии над памятью об усопших. Но хочется надеяться, что это лишь первое, ошибочное впечатление, которое, несомненно, исчезает после прочтения грустных строк антологии, реальных посмертных документов о юристах, завершивших свой земной путь и оставивших в нем заметный след. При оценке настоящего издания очень важно учитывать и такой фактор. Не секрет, что при жизни людям, занимающим высокие посты, нередко льстят, выпячивая, а зачастую даже гиперболизируя лишь их положительные качества. Истинная же оценка заслуг человека в большинстве случаев обнаружится уже после его смерти, естественно, с определенной поправкой на нравы конкретной эпохи.

Составитель — не новичок в научно-публицистическом жанре. Но, несмотря на это, пришлось испытать немалые трудности при выборе названия выносимой на суд читателя работы. С некоторыми оговорками антологию юридического некролога можно было бы назвать разновидностью юридического некрополя (некрополь — от греч. nekros — мертвый и polis — город). Однако, опасаясь упреков в искусственном расширении термина, я не решился на это. Так сложилось (и так трактуют словари), что под некрополем обычно понимаются либо описание захоронения, либо справочные издания, содержащие надгробные надписи. Некрополем также называют еще и античные могильники.

Практике издания различного рода «Некрополей» уже не одна сотня лет. В России с конца XIX — начала XX века издано немало столичных и провинциальных «Некрополей» — справочных книг, содержащих надгробные надписи. В 1991 году в издательстве «Московский рабочий» вышла в свет первая книга из серии «Московский некрополь», посвященная Ваганьковскому кладбищу. Дворянское собрание сейчас занято русскими некрополями зарубежья. В «Российском некрополе в Египте», например, описано 300 российских захоронений в Каире, Александрии, Тунисе. Однако некрополь, как уже отмечалось выше, предполагает помещение в сборнике лишь надгробных надписей, которые хотя и глубоки по своему содержанию, но весьма кратки, а порой даже и лаконичны, т.е. неинформационны*. Гораздо обширней в этом плане некрологи, дающие наиболее целостный и всесторонний портрет усопшего деятеля. Именно поэтому составитель настоящей антологии решил пойти дальше — предложить о покойных юристах значительно больше информации, чем обычно дается в «Некрополях».

Внутрижанровая некрологическая палитра отнюдь не однородна. Если брать, например, информационно-публицистическую разновидность некролога, то он, как правило, сводится к элементарному объявлению — кто умер, кто скорбит, когда и откуда вынос тела. Естественно, это не предмет изучения и исследований, поскольку по своей информационной насыщен-

ности и аналитическим характеристикам такие некрологи если не менее, то, в лучшем случае, так же лаконичны, как и надгробные надписи.

Предметом же систематизации настоящей антологии являются некрологи литературно-публицистического характера.

Некрологи — весьма специфичный жанр. Это письменные «сгустки» лучших деяний (и, кстати, не только на профессиональной ниве) правоведов различных стран и народов. В них, как в зеркале, отражается как культура народа, так и дух эпохи, в которой жил и трудился человек.

От века к веку менялись содержание и формы некрологов. Многие из них, публиковавшиеся в Средние века, вполне можно отнести к самобытным литературным памятникам. Позже личностные оценки стали переплетаться с религиозными мотивами.

В советское время некрологи были предельно идеологизированы и умышленно «заострены» на заслугах в борьбе за коммунизм. Более того, последние, если таковые, конечно, имелись, служили своеобразным «пропуском» солидного, красивого, порой трогательно-скорбного некролога на страницы центральных и ведомственных изданий. Действовало некое неписаное правило (не изжито оно, к сожалению, и в постсоветской России), в соответствии с которым некролог с известными фамилиями подходил на своеобразную «Доску почета». Негласно (в силу десятилетиями складывавшегося теневого «делового обычая») регламентировалось все: кто подписывает, в какой последовательности, какие слова употребляются и т.д., и т.п. В таких некрологах обычно шло перечисление заслуг покойного, содержался детальный послужной список в стиле анкеты. Истинная скорбь прорывалась меж строк скупой и редко. У близких умершего не всегда даже была уверенность в том, что все поставившие подписи под траурным сообщением действительно хорошо знали и, тем более, любили и уважали покойного. Так или иначе, но в некрологах не может не отражаться ушедшая циклизация с его символами и ритуалами.

Не всегда некрологи отличались своей целостностью и имели законченную жанровую форму. Подчас в некоторых из них содержались крайне скудные сведения об усопшем, имели место прочие изъязы как литературно-публицистического, так и иного характера. Отчасти это объясняется тем, что некрологи составляются в минуту скорби об умершем, когда невозможно абстрагироваться от тяжелого психологического фона смерти. Но, возможно, в этом их своеобразие. Именно поэтому я не разделяю мнения И. Беляева: «Отсутствие в органах печати строго очерченного круга сведений, которые должны быть в некрологе в обязательном порядке, — результат неуважения к читателю»*.

При любых возможных недостатках некрологи были и остаются содержательным описанием жизненных достижений тех, о ком они написаны. Именно поэтому бесценно их познавательное начало. Ведь практически любой некролог — это краткая «энциклопедия» жизненного пути чело-

* Беляев И. Как и кому издавать «Некрологи»? // Книжное обозрение. 1995. № 5.

века, в данном случае — юриста, а значит, и развития правовой мысли, юридической практики.

Одна из жанровых особенностей некролога, его стилистика и интонация заключается в том, что его нельзя «переписать», уточнить, дополнить. Он не подлежит новой редакции, исправленной и дополненной, т.е. он такой, какой есть. И коль скоро оценки, данные в некрологе, сохраняют истинность спустя столетия, можно с уверенностью утверждать, что сей жанр, без преувеличения, — свидетельство о достойно прожитой жизни.

Составитель видит ценность антологии в том, что, во-первых, это реальная возможность сохранения сведений о правоведах, памяти о людях, посвятивших свою жизнь служению закону. А слова, сказанные или написанные в минуты скорби, идут, как правило, от сердца, оттого и близки к истине. Во-вторых, это специфическая форма познания правовой сферы жизни, ибо «юридический срез» эпохи «высвечивается» и в некрологах. В-третьих, это сильное и практически неисчерпаемое средство правового воспитания, повышения правовой культуры граждан и особенно студентов-юристов. Суммируя вышесказанное, нельзя не отметить, что воспитание юристов нового поколения немислимо без освоения ими юридического богатства прошлого, ушедшего от нас носителя самобытного правового интеллекта. Надо помнить, что бережное отношение к чужой смерти, к памяти о покойных юристах — одно из неотъемлемых слагаемых профессионального правового сознания. Не случайно ведь говорят, что сложное взаимодействие мира мертвых и мира живых составляет единое духовное поле. «Для того чтобы судить о действительной важности человека, — писал П. Буаст, — следует предположить, что он умер, и вообразить, какую пустоту оставил бы он после себя: немногие выдержали бы такое испытание».

В предположении о смерти владелец вечерней газеты «Оупен-эйр» Эйб Хиршфелд из Нью-Йорка развил бурную предпринимательскую деятельность. Газета, выходящая в цвете и большим форматом, предлагает своим читателям присылать собственные некрологи, которые без всякого редактирования печатались на специальной полосе, озаглавленной «Летопись жизни в поминовении», всего за... 50 долларов. На вопрос о нравственном аспекте учреждения «службы некрологов» 76-летний мистер Хиршфелд отвечал, что результаты проведенного им опроса общественного мнения показали 100%-ную заинтересованность респондентов, поскольку «каждый хочет оставить что-то после себя, и никому еще не удавалось открыть секрет бессмертия». Владелец газеты хочет, чтобы были «признаны хроники жизни простых людей, имена которых не могут попасть в прессу, если они не являются родственниками королев»*.

Но отставим на время в сторону нравственный аспект новшества мистера Хиршфелда с последующими упреками в определенном кощунстве, поскольку циничная действительность дня сегодняшнего предполагает уже и заблаговременную покупку места на кладбище, и установку памятника

с фотографией, датой рождения и свободным местом для даты смерти. Вопрос в свете настоящего издания в другом. Насколько правдивыми окажутся те, с позволения сказать, прижизненные автонекрологи, которые любой желающий будет присылать в газету? Будет ли в них соблюдена объективность оценки собственного вклада в историю, науку, любую другую сферу человеческой деятельности? Далеко не каждый смертный способен на критическую оценку своего жизненного пути. Более того, не будет ли тем самым нарушен естественный ход событий? Не секрет ведь, что нередко известные исторические личности перед смертью в корне меняли свои взгляды на ту или иную проблему, что либо возвышало их, либо, наоборот, в той или иной степени перечеркивало достигнутое ранее.

Именно поэтому составитель антологии не поддерживает предпринятого мистером Хиршфелдом шага. Принципиально соглашаясь с принципом «на жизнь надо смотреть философски», я все-таки остаюсь на позициях невмешательства в старый добрый естественный ход развития событий в жизненном марафоне, до предела ограниченном простой схемой: «рождение — жизнь — смерть».

Чтобы избежать всякого рода «душевных искривлений», необходима специальная федеральная целевая программа «Память», одним из центральных разделов которой должны стать регулярные выпуски книг серии «Антология некролога». Речь, в частности, идет о том, чтобы за определенную плату родственники, друзья усопших могли помещать в таких сборниках развернутые некрологи с воспоминаниями об умершем, его прижизненными фотографиями. Каждый гражданин должен иметь право и возможность увековечить себя и тем самым остаться в памяти родных, близких, земляков. Изданные на хорошей бумаге, в строгом твердом переплете с золотым тиснением, подобные книги могут стать бесценной семейной реликвией, основой генеалогического древа чьего-то рода.

У настоящей антологии такая же, вполне конкретная цель — путем систематизации некрологов о юристах-ученых, юристах-практиках сохранить память о столпах юриспруденции, а в какой-то степени, возможно, и попытаться выстроить генеалогическое древо последней.

Не уверен, что поступаю правильно, но завершу свои рассуждения об антологии юридического некролога стихотворением Виктора Крупенина «Похороны»:

«Друзья мои уходят в мир иной,
Всё меньше нас теперь на белом свете.
Конечно, всё не вечно под луной,
Но почему ушли не те, а эти,
Которым жить и жить бы много лет
На радость всем:
Родне, друзьям, соседям,
Кто нас спасал и защищал от бед.
Но в катафалке мы печальном едем,
А рядом гроб, а в нем наш лучший друг.
Венки бумажными шуршат цветами.
О, боже правый, или недосуг

Тебе всё взять и поменять местами?
Пусть сгинут все заклятые враги,
Никчемные и подлые людишки,
А с ними вместе, Боже, помоги!
Их грязные, поганые делишки.
Всевышний, царствуй вечно в небеси,
Даруй любовь букашке, птичке, зверю,
Но друга нашего ты, Боже, воскреси,
И вот тогда-то я в тебя поверю»*.

Некрологи, представленные в англоязычной части книги, охватывают период с 2010 по 2017 год и посвящены памяти 409 юристов Соединенных Штатов Америки. Источниками отбора материала являлись в основном: интернет-издание журнала Американской ассоциации юристов АВА Journal (<http://www.abajournal.com>), интернет-сайты Tributes (<http://www.tributes.com>), Legacy (<http://www.legacy.com>), и Illinois State Bar Association (<https://www.isba.org>). Небольшое количество некрологов было включено из отдельных американских газет. Формальным критерием отбора произведений данного жанра являлось их размещение в рубрике Orbituaries (Некрологи) или наличие пометки Obituary (Некролог).

Антология юридического некролога имеет существенный и очень крупный пробел. В ней нет по понятным причинам некрологов о репрессированных в период сталинизма юристах. Их имена (но не некрологи) надо искать в Книгах памяти, которые издаются в регионах России по инициативе и поддержке международного правозащитного общества «Мемориал».

Составитель выражает благодарность кандидату филологических наук, доценту кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России С.И. Балишину за оказанную помощь в подготовке данного раздела.

Выражаю искреннюю признательность всем, кто оказал помощь в поиске материала для антологии.

Прошу читателей помочь в подготовке следующего издания. Присылайте мне отсутствующие в книге некрологи о юристах-ученых и практиках:

603081, Нижний Новгород, а/я № 30, Баранову Владимиру Михайловичу.

Адрес электронной почты: baranov_prof@bk.ru

НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ О ЖАНРЕ «НЕКРОЛОГА»*

Некролог (греч. *слово о мертвом*) — небольшое произведение, посвященное обзору деятельности и характеристике недавно умершего человека. Еще в первые века христианства принято было записывать в церковных книгах имена умерших священнослужителей, благотворителей и прихожан, которые провозглашались во время богослужения, чтобы паства молилась за них. В Средние века эти церковные записи перешли в списки (*necrologium, mortilogium, obituarium, regula, martyrologium, liberoblegiorum* или *praesentiarum*) или календари, которые велись при духовных учреждениях и монастырях. Сюда вносились, кроме подвижников и мучеников, папы и государи, архиепископы и епископы, настоятели и настоятельницы монастырей, начальники и члены духовных орденов, благотворители и лица, заказавшие вечные мессы. Уже в VII веке эти списки были очень распространены. Вслед за смертью настоятеля или епископа во все соответственные учреждения отряжался гонец с извещением о его кончине. Эти извещения (*rotuli* — свитки), первоначально заключавшие в себе лишь традиционную формулу, обратились позднее в длинные панегирики усопшему, литературное значение которых иногда не ниже значения палеографического и исторического. День получения известия заносился в списки вместе с именем усопшего. *Rotuli* составлялись по следующему образцу: сперва шел напыщенный риторический панегирик, затем следовало жизнеописание, с новым восхвалением добродетелей усопшего, но — говорилось в заключение, — каковы бы ни были его достоинства, он был человек, подверженный и людским недостаткам: надо молиться о прощении его грехов. Значение Н. в качестве исторических документов очень велико, не смотря на антиисторические элементы. Сохранилось довольно много монастырских Н., особенно в Германии; один из древнейших — аббатства Лорх, VIII в. Н. абб. Фульды — сборник Н. за три века. Список средневековых герм. Н. — у Wattenbach, “Deutschland’s Geschichtsquellen Mittelalter” (Б., 1858). Об аналогичных памятниках на Востоке и в России см. Синодики. В новейшее время ввиду историко-биографических целей стали составлять сборники биографических данных о выдающихся лицах, умерших за последний год или известный период.

Во Франции был составлен один из первых таких сборников: “*Necrologe de Port-Royal*” (Амстердам, 1723) с дополнением (1735). В 1755 году появился “*Necrologe des appelants et des opposants a la bulle Unigenitus*”,

* Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 40. С. 861–862.

а в 1760–1778 годах “Necrologe des plus celebres confesseurs de la verite au XVII-e et XVIII-e siecle” аббата Серво. Эти частные и партийные опыты сменились большим “N. des hommes célèbres de France” (1764–1789), остановившимся на 17-м томе. В XIX столетии выходил “Annuaire necrologique” Магюля (1821–1827), доведенный, под названиями “Annales biographiques” и “Annuaire biographique” до 1834 года. Английское издание “Annual biography and obituary” выходило правильно в течение 60 лет. В Германии Шлихтеголь в 1790–1800 годах выпустил первую серию “Nachrichten von dem Lebenmerk wurdiger verstorbenen Deutschen” (Гота), а в 1802–1806 годах продолжение: “Nekrolog der Deutschen fur das XIX Jahrhundert”, возобновленное в 1823 году Шмидтом, Фойхтом и другими под названием “Neue N. der Deutschen” (до 1852 г.). В России собрания Н. за истекший год помещались с 1831 года в «Месяцесловах» академии наук, откуда они перешли в современные календари. Собрания Н. писателей стал печатать в 1858 году Геннадий, продолжателем которого является Языков. Текущие Н. писателей печатаются в библиографических журналах.

В НЕКРОЛОГЕ, ПОДПИСАННОМ...*

Умер человек — увы, это однажды случается с каждым. Но на сей раз умер человек известный, и, в отличие от многих других случаев, таким людям публично воздают последние почести. Одна из них — извещение о смерти, сделанное по радио, напечатанное в газетах.

Открываете вы утром свежий номер газеты и видите на последней странице траурную рамку: «Смерть вырвала из наших рядов...»

Некролог. Многие жанры в журналистике рождаются и умирают, а этот, кажется, бессмертен, поскольку бессмертна сама эта скорбная вереница «Безвременно ушедших из жизни».

Слово прощания произносят и будут произносить. Традиция, которой ни одно нормальное общество не вправе пренебрегать. Но весь вопрос не в том — кто и как его произносит, а в том, как это принято сейчас, в какой форме утвердился и существует у нас официальный некролог.

Официальный — я это подчеркиваю. Речь, словом, не о тех публичных извещениях о кончине, что обычно подписывается так: «Группа товарищей». Странное сочетание слов, в другом контексте обычно не употребляемое. Некий коллективный псевдоним безвестных людей. Впрочем, и без поименной расшифровки понятно, кто имеется в виду — близкие покойного, его друзья, те, кто прежде всего принял на себя этот удар судьбы.

Совсем другое дело официальный некролог, пересказ которого по радио и с телеэкрана обычно предваряют словами: «В некрологе, подписанном руководителями партии и государства, говорится...» Яснее ясного, что подписавшие некролог в данном случае не состояли в товарищеских отношениях с умершим. Уместно ли в таком случае их появление на этой скорбной процедуре? Зачем и тем, кто был порой даже не знаком с умершим, а если и был знаком, то не испытывал к нему чувства личной дружбы, — зачем такому человеку как бы вынужденно представлять скорбящим и произносить над свежей могилой прощальное слово? Читаю в одном из последних номеров газеты ушедшего года сообщение о кончине генерала армии А.А. Лучинского: «Ушел из жизни верный сын советского народа... Светлая память о верном сыне советского народа навсегда сохранится в наших сердцах». И далее — длинный перечень фамилий. Среди тех, кто «навсегда сохранит в своих сердцах» память о генерале, — люди, которые по возрасту годятся ему в сыновья, но которые занимают сегодня высокие

* *Плутоник А.* Известия. 1991. 3 янв.

посты в партии, правительстве, армии, военно-промышленном комплексе. В перечне нет ни одного военачальника ниже генеральского звания.

Иным руководителям свойственна привычка «подмахнуть» документ, не читая. Похоже, что и некрологи подчас становятся такими «документами». Потому что, полагаю, «руководители партии и правительства» иначе, как механически, не могут подписать текст, в котором в состоянии разобраться разве что специалист. Во всяком случае вряд ли все те, кто поставил свои подписи под некрологом выдающегося химика академика И. Кнунянца, могут объяснить, что представляют из себя «работы в области химии полимеров, гетероциклических соединений», за которые они воздают должное почившему ученому. Не думаю также, что у них есть твердое понятие о «пионерских работах по наблюдению треков заряженных частиц с помощью камеры Вильсона», за которые авторы некролога весьма высоко отзываются о деятельности другого умершего академика — Д. Скобельцына.

А может, и не в словах дело? Стоит ли вообще придавать какое-то значение тому, скажем, что начало сообщения о смерти академика Г. Флерова текстуально совпадает с тем, что говорится об академике Д. Скобельцыне или академике И. Кнунянце?

Известно, что многие десятилетия все то, что было у нас освящено именами высших руководителей, что имело ранг официального сообщения, было в высшей степени обезличено, принимало форму и содержание некой резолюции, лишеной живого чувства и живого языка. Безличность признавалась признаком солидности. Многое с тех пор изменилось. Но официальный некролог, похоже, остался незыблемым форпостом бюрократизма и формализма, отлитого в формы «чеканных формулировок».

На сегодняшний день действительно главное в официальном некрологе не текст, а подписи. Подписи эти могут многое рассказать не столько, скажем, о месте умершего академика в науке, сколько о том, как относились к нему, как его воспринимали «сильные мира сего», высоко ли оценивалось его вмешательство или, напротив, невмешательство в общественно-политическую жизнь, что ему прощалось, а что нет. И так далее, и тому подобное.

Одни и те же лица подписывают некрологи известных людей, известных подчас противоположными взглядами на многие социально-политические явления нашего времени. Умерли, кажется, в один день два таких разных человека — поэт М. Матусовский и писатель В. Пикуль. Естественно, что и мнения о них, об их творчестве были разными, как разным был и у каждого из них круг общения, та самая «группа товарищей». Но, судя по «итоговым» подписям под некрологами, товарищи были одни и те же. А все дело в том, что оба умерших, так сказать, жили и работали «по одним и тем же ведомствам» — те, кто возглавляет эти ведомства в различных офисных структурах. Здесь и бывший в «их время» членом Президентского совета писатель Ч. Айтматов, «курировавший» культуру, и А. Капто, ведающий идеологическим отделом ЦК КПСС, и министр культуры Н. Губенко. Требуется непременно соблюдать установленные

для подобных случаев формальности. Смерть «выдающегося советского физика» или «выдающегося советского химика» должны удостоверить полномочные представители государственной, партийной и научной иерархии — соответствующий член Политбюро ЦК КПСС, соответствующий зам. Председателя Совмина СССР, соответствующий член Президентского совета и т.д., и т.п. Если же закончил свои дни «известный советский писатель (поэт)», то этот прискорбный факт удостоверяет и «заверяет» своими подписями другой круг лиц, но отбираемых по тому же принципу — кураторов культуры из разных ведомств, представляющих высшую власть. Среди «подписантов» должны быть представлены и руководители той территории, где проживало известное лицо. Скажем, Валентин Савич Пикуль жил в Латвии, стало быть, под некрологом появляется подпись А. Рубикса, руководителя Компартии Латвии (на платформе КПСС), писатель отражал в своих книгах флотскую жизнь — это влечет за собой появление подписи командующего ВМФ СССР адмирала В. Чернавина. Михаил Львович Матусовский — москвич, член КПСС, что как бы автоматически предусматривает подпись первого секретаря МГК КПСС Ю. Прокофьева. Умерший писал песни, значит, требуется подпись Т. Хренникова — от Союза советских композиторов. Скорбеть обязывает положение...

Некролог как идеологический атавизм — вот о чем речь. О неискоренимой привычке политизировать не только жизнь, но и смерть. А надо ли это делать? Может, стоит лишить все некрологи официального статуса? Умер заслуженный человек, пусть настоящие его товарищи получают возможность по-человечески сообщить об этом со страниц газет или с экрана телевизора. Напишут и подпишут слово прощания, побудут в последний час наедине с человеком, память о котором действительно навечно сохранят в своих сердцах. Навечно, а каждый вечен, пока жив... Зачем, в самом деле, перепоручать это «центру»? Может, и в этой традиции — привычка к излишней централизации всего и вся, недоверие к мнению «мест»? Не стоит ведь всерьез думать, будто тем или иным именем, поставленным под некрологом, можно еще более освятить чью-то жизнь, если она и без того освящена крупным научным открытием или выдающимся художественным достижением.

Всепроницающая идеологизация и политизация. Давным-давно начался этот процесс, коснувшийся и живых, и мертвых. Еще одно подтверждение — бытующая у нас традиция, согласно которой на очередной юбилей, например, грузинского поэта Ш. Руставели, собирающий в Большом театре многочисленную аудиторию, для доклада неизменно приглашается секретарь ЦК Компартии Грузии, имеющий как будто самое прямое отношение к юбиляру. Чествуя гениев прошлых веков, мы всякий раз исходили, да нередко и исходим из некоего регионального и узкопартийного подхода к бессмертию, к вечным духовным ценностям. Партия словно бы расценивала и те давние «творческие достижения» как логический результат проводимой ею национальной политики.

Возвращаясь к общечеловеческим ценностям, мы обязаны вспомнить, что по всем человеческим да и христианским обычаям прощальное слово должны произносить отнюдь не те, кто выступает «от имени и по поручению». Естественно, что культура прощания не может быть выше, чем политическая или производственная культура человеческого общения. Но должно же быть какое-то чувство стыдливости, внутреннего предостережения от осквернения покоя смерти любым неосторожным, не вполне искренним словом.

И на свадьбах неуместны свадебные генералы. Тем более на похоронах.

А—Я

АБРАМОВА АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВНА

*

Кафедру трудового права и юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова постигла невосполнимая утрата: 20 ноября 2002 года скончалась доцент Александра Афанасьевна Абрамова — яркая и одаренная личность, посвятившая юридическому факультету МГУ две трети своей жизни.

Александра Афанасьевна родилась 16 мая 1925 года. После окончания специализированной юридической школы в г. Иваново в 1944 году была назначена секретарем Управления учебными заведениями Народного комиссариата юстиции РСФСР, где проработала до 20 сентября 1945 года, уволившись в связи с поступлением на учебу. Уже в 1947 году, экстерном, она с отличием окончила Всесоюзный юридический заочный институт.

После успешного окончания аспирантуры МГУ в 1950 году А.А. Абрамова была оставлена для работы в должности ассистента кафедры трудового права юридического факультета МГУ. 7 марта 1951 года она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Правовое регулирование труда женщин в СССР», 14 апреля 1956 года была утверждена по решению ВАК в звании доцента.

А.А. Абрамова вела активную педагогическую деятельность на кафедре трудового права, обучая студентов дневного и вечернего отделений. Ее перу принадлежит множество монографических исследований, учебников, пособий и научных статей, созданных как персонально, так и в составе коллектива авторов.

В жизни Александры Афанасьевны важное место занимала общественная работа: она в течение десятков лет избиралась членом президиума объединенного профкома МГУ, членом комиссии по трудовым спорам, а также была членом комиссии по заработной плате ОПК МГУ, являлась постоянным членом методической комиссии профкома юридического факультета.

Особо следует отметить то, что активные научные исследования она сочетала с участием в подготовке кодексов законов о труде союзных республик, будучи членом консультативного совета Президиума Верховного Совета СССР.

Большая трудовая деятельность А.А. Абрамовой отмечена правительственными наградами, в частности, юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», нагрудным значком «За отличные успехи в работе», юбилейным значком «225 лет МГУ имени М.В. Ломоносова», медалью «Ветеран труда»; в 1998 году она удостоена звания «Заслуженный преподаватель Московского университета».

Ее имя полвека неразрывно связано с кафедрой трудового права МГУ. Многие специалисты-трудовики с гордостью говорят: «Все мы — птенцы

Абрамовой». Эта фраза более чем красноречиво свидетельствует о высочайшей квалификации Александры Афанасьевны, которая, будучи доцентом, благодаря своему научному опыту стоила не одного профессора: под ее научным руководством защитили кандидатские диссертации около 30 аспирантов и соискателей.

Все, кто был знаком с А.А. Абрамовой, всегда отмечали ее необыкновенную доброту, честность, доброжелательность, отзывчивость, подлинную интеллигентность. Память об Александре Афанасьевне Абрамовой навсегда останется в наших сердцах.

Коллеги, друзья, ученики

АВДЕЕВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

*

15 марта 1978 года на 78-м году жизни скончался старший научный сотрудник Института государства и права АН СССР, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент АМН СССР, член КПСС Михаил Иванович Авдеев. Ушел от нас крупный специалист в области судебной медицины. После окончания медицинского факультета МГУ М.И. Авдеев был оставлен на кафедре судебной медицины научным сотрудником; в 1924–1925 годах он находился в рядах Красной Армии в качестве полкового врача и участвовал в боях по ликвидации басмачества в Туркестане. В 1931–1940 годах Михаил Иванович находился на практической судебно-медицинской работе и одновременно был ассистентом кафедры патологической анатомии I Московского медицинского института, возглавляемой академиком А.И. Абрикосовым. В этот период времени он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицинских наук. В 1940 году М.И. Авдееву было присвоено звание профессора; он был назначен начальником кафедры судебной медицины и криминалистики Военно-юридической академии, а в 1942 году — главным судебно-медицинским экспертом Советской Армии. В течение 27 лет он руководил организацией системы военной судебно-медицинской службы. В послевоенные годы наряду с основной научно-педагогической деятельностью и руководством судебно-медицинской службой системы Министерства обороны СССР М.И. Авдеев участвовал в разработке нового законодательства по судоустройству, УК и УПК союзных республик.

В течение ряда лет он был председателем Московского отделения Всесоюзного общества судебных медиков и криминалистов, членом ученых советов ряда юридических вузов. В 1957 году М.И. Авдеев избирается членом-корреспондентом Академии медицинских наук СССР; он был первым судебным медиком, удостоившимся этого звания. В 1945–1948 годах неоднократно был членом Советско-Польской комиссии по расследованию фашистских злодеяний; избран членом Академии судебной и социальной медицины (в Вене).

М.И. Авдеев опубликовал свыше 100 научных работ и статей, в том числе учебник по судебной медицине для юридических вузов, выдер-

* Советское государство и право. 1978. № 6.

жавший пять изданий и переведенный на иностранные языки. Его перу принадлежат «Курс судебной медицины» и «Руководство по судебно-медицинской экспертизе живых лиц» и др. В трудах М.И. Авдеева широко рассматриваются вопросы процессуального и материального права, касающиеся практики судебно-медицинской экспертизы. Он являлся одним из редакторов «Энциклопедического словаря военной медицины» и «Юридического словаря». За большие заслуги в области судебной медицины и многолетнюю педагогическую деятельность ему присвоено в 1962 году почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

Научно-педагогическая и общественная деятельность М.И. Авдеева высоко оценена — он был награжден орденами Красной Звезды и «Знак Почета», польским орденом «Золотой крест за заслуги» и многими медалями.

Его участие в подготовке проектов законов по судоустройству УК и УПК союзных республик было особо отмечено Президиумом Верховного Совета СССР, благодарностями Президиумов Верховных Советов РСФСР, Армянской ССР, Киргизской ССР и Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Таджикской ССР.

Светлая память о Михаиле Ивановиче Авдееве — крупном ученом, судебном медике, блестящем лекторе и прекрасном человеке — навсегда останется в нашей памяти.

АГАРКОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

*

26 июля 1947 г. после непродолжительной, но тяжелой болезни скончался один из выдающихся советских ученых юристов, виднейший представитель современной науки гражданского права — доктор юридических наук профессор Михаил Михайлович Агарков. Ушел ученый огромной и всесторонней эрудиции, острого аналитического ума, ушел полный духовных сил, в расцвете своего таланта и творческих возможностей.

Преждевременная смерть унесла не только замечательного ученого, оставившего значительный и яркий след в советской правовой науке. Институт права лишился также незаменимого организатора и руководителя научной работы. В течение ряда лет М.М. Агарков состоял заведующим сектором гражданского права Института права Академии наук СССР, а последнее время — заместителем директора Института права по научной части.

М.М. Агарковым написано свыше 60 научных работ. Его первая работа появилась в 1914 г. в журнале «Юридические записки». До 1917 г. было напечатано всего лишь три статьи Михаила Михайловича. Таким образом, вся его научная работа падает на советский период. Научные интересы Михаила Михайловича были направлены главным образом на вопросы теории гражданского права и общей части обязательственного права, а также на вопросы кредитных и денежных правоотношений. Работал Михаил Михайлович и в области международного права. Последние годы все

большее его внимание привлекали общие проблемы теории государства и права. В подготовленном к печати Институтом права Академии наук СССР учебнике «Теория государства и права» перу Михаила Михайловича принадлежит ряд глав (нормы права, правоотношение и др.). Вопросам общей теории гражданского права посвящены работы М.М. Агаркова «Ценность частного права» (1920), «Предмет и система советского гражданского права» (Советское государство и право. 1940. № 8–9), большая (около 7 печатных листов) неопубликованная работа на ту же тему в подготовленном к печати коллективном труде Института права АН СССР «Система советского социалистического права», а также последние напечатанные работы «Понятие сделки» и «Злоупотребление нравом».

Теоретической разработке общей части советского обязательственного права посвящены: лучшая работа М.М. Агаркова «Обязательство по советскому гражданскому праву» (1940), работа о юридической природе железнодорожных перевозок (1922), в которой исследован вопрос об ограничениях договорной автономии, некоторые работы о вине в гражданском праве, о договорной ответственности и ряд статей. Перу Михаила Михайловича принадлежит также общая часть обязательственного права в двухтомном учебнике гражданского права для юридических вузов, вышедшем в 1944 г. под редакцией М.М. Агаркова и Д.М. Генкина.

Вопрос о кредитных и денежных правоотношениях разработан М.М. Агарковым в монографии «Учение о ценных бумагах» (1927), которая является лучшей работой на данную тему в советской русской юридической литературе, в книге «Основы банковского права» (1929), представляющей собой углубленное теоретическое исследование в малоизученной у нас области права, а также в ряде работ, напечатанных в сборниках и журналах в 1923–1930 гг.

С именем М.М. Агаркова связано создание теории обязательства в советском праве. Руководствуясь марксистско-диалектическим методом, он по-новому поставил и разрешил вопросы об основаниях возникновения обязательств в советском праве, о структуре обязательства, о санкции в обязательстве, дал единственную в нашей литературе классификацию целей в обязательствах. Михаил Михайлович разработал вопрос о значении вины в советском гражданском праве, о разграничении деликтной и договорной ответственности, о смешанных институтах и т.д. Государственное социалистическое планирование народного хозяйства наряду с социалистической собственностью принадлежит к основным моментам, определяющим собой советское гражданское право. Михаил Михайлович первый поставил вопрос о влиянии плана на гражданско-правовые отношения социалистического общества, выдвинул ряд теоретических положений о значении актов планирования и регулирования народного хозяйства в советском гражданском праве.

Многие обогатившие нашу науку теоретические положения, впервые выдвинутые и в трудах М.М. Агаркова, получили общее признание и имеют большое значение не только для теории гражданского права, но и для советской науки права вообще. Они оказались весьма плодотворными в

том смысле, что подверглись дальнейшей разработке и развитию в трудах учеников Михаила Михайловича и других советских ученых.

Ряд положений М.М. Агаркова перешел в учебники и в учебные пособия, использован в нормативных актах и руководящих указаниях Пленума Верховного суда СССР, оказал влияние на нашу судебную и особенно арбитражную практику.

Весьма значительны заслуги М.М. Агаркова в области подготовки юридических кадров. Свыше 30 лет своей жизни он отдал преподавательской деятельности в высшей школе. В 1916 году двадцатипятилетний приват-доцент М.М. Агарков начал читать курс торгового права на юридическом факультете Казанского университета и курс гражданского права на Высших женских курсах в Казани. С тех пор Михаил Михайлович в качестве профессора и заведующего кафедрой читал лекции по гражданскому праву, общей теории права, торговому праву, банковому праву, иностранному гражданскому праву в ряде вузов нашей страны — в Иркутском и Саратовском университетах, в Плехановском институте, в Промышленно-экономическом институте, на внешнеторговом факультете Института им. Нариманова, во Всесоюзной правовой академии, в Московском юридическом институте, в Академии внешней торговли. Последние годы педагогическая работа Михаила Михайловича была сосредоточена на юридическом факультете Московского государственного университета им. Ломоносова, где он заведовал кафедрой гражданского права, и в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), где он состоял профессором кафедры теории государства и права.

На лекциях М.М. Агаркова воспитывались поколения советских юристов, под его руководством проходили подготовку к научной и педагогической деятельности аспиранты — цивилисты. Многие из учеников Михаила Михайловича являются в настоящее время серьезными, хорошо подготовленными научными работниками, имеющими ценные работы.

М.М. Агарков имеет также большие заслуги в области практической государственной работы. Параллельно с работой в вузах и научно-исследовательских учреждениях он в 1923–1937 гг. вел практическую работу в качестве консультанта в СНК СССР, в НКФ СССР, в Верховном суде СССР, в Союзнефтеэкспорте. Он был автором и редактором ряда законопроектов (Устав Госбанка СССР, Кодекс торгового мореплавания, Положение о чеках, Закон о договоре контокоррента и др.). У всех на памяти весьма ценная, большая, напряженная работа Михаила Михайловича в качестве назначенного Советом Министров СССР члена правительственной комиссии по составлению проектов Гражданского и Гражданско-процессуального кодексов СССР.

М.М. Агарков всегда принимал активное участие в общественной жизни учреждений и организаций, где протекала его деятельность. Он был добрым, чутким, отзывчивым товарищем, преданным, заботливым и в то же время требовательным другом.

Правительство высоко оценило деятельность Михаила Михайловича, наградив его орденом Трудового красного знамени и медалью «За доблестный труд».

9 августа, в 9 часов 35 минут вечера, после тяжких страданий скончался председатель Государственного совета, действительный тайный советник, статс-секретарь Михаил Григорьевич Акимов. Происходил из дворян Саратовской губернии. Окончив курс Московского университета по юридическому факультету со степенью кандидата прав, он начал свою государственную службу 18 февраля 1870 года кандидатом на судебной должности при прокуроре Московской судебной палаты. Вскоре он был назначен товарищем прокурора сначала Владимирского, а затем Московского окружных судов. С 1883 года по 1888 год он состоял председателем Одесского окружного суда, потом пензенского. В 1889 году он назначается прокурором Одесской судебной палаты, в 1891 году — московской, а в 1894 году — старшим председателем Одесской судебной палаты. В 1899 году М.Г. Акимов был призван к присутствованию в Правительствующем сенате по уголовному кассационному департаменту. В 1905 году М.Г. Акимову был предложен пост министра юстиции в кабинете графа С.Ю. Витте. Министерский пост он занимал весьма непродолжительное время и вскоре был назначен членом Государственного совета. После смерти Э.В. Фриша М.Г. Акимов по высочайшему повелению был назначен председателем обновленного Государственного совета. Этот пост он занимал до самой смерти. Несмотря на слабеющие силы и большое семейное горе — продолжительную и тяжкую болезнь дочери, — М.Г. Акимов продолжал исполнять свои председательские обязанности.

Лишь перед самым закрытием сессии он передал их с высочайшего соизволения вице-председателю Государственного совета И.Я. Голубеву. Последний месяц М.Г. Акимов почти не вставал с постели. Несмотря на тяжкий недуг, он живо продолжал интересоваться происходящими событиями как во внутренней, так и внешней жизни нашей родины. Умер М.Г. Акимов в 68 лет. (Некролог его: «Голос Руси», 1914, № 215.)

АКСАКОВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ

**

В настоящее время почти вся мыслящая Россия скорбит о безвозвратной потере высокого патриота и вполне русского человека Ивана Сергеевича Аксакова. Юрист по образованию^{***}, публицист по профессии и призванию, И.С. Аксаков представлял собою редкий тип общественного деятеля, всецело преданного интересам России и славянского единства.

* Исторический вестник. 1914. Т. 137. № 9. С. 1065–1066.

** Юридическое обозрение. 1886. № 254. С. 162–163.

*** Иван Сергеевич Аксаков (родился 26 сентября 1823 года; умер 27 января 1886 года) окончил курс в училище правоведения, служил сначала в Правительствующем сенате, а потом по Министерству внутренних дел; был ополченцем в войну 1854 года; занимался исследованиями о расколе, о торговле, писал статьи в «Московской Старине», в «Русской Беседе»; издатель газет «Парус», «Москва» и, наконец, «Русь». Иван Сергеевич был одним из деятельных участников Славянского комитета, в котором долгое время председательствовал.

Иван Сергеевич во всех своих статьях ставил постоянно на первом плане благо России, ее истинные нужды, все, что он писал или говорил, было искренно, задушевно, сильно.

Его образный, иногда несколько туманный язык производил неотразимое впечатление.

Конечно, многое, высказанное Иваном Сергеевичем, носило на себе отпечаток некоторой крайности, а отчасти и призматичности в воззрениях, тем не менее то, что было высказано этим русским патриотом, являлось продуктом личного, непоколебимого его убеждения, было проникнуто неподдельным чувством уверенности в правильности высказанного.

Иван Сергеевич был публицист неподкупной, идеальной честности, не свивавший себе — подобно многим другим — редакционного гнездышка за чужой счет.

Голос Ивана Сергеевича поэтому был всегда авторитетный.

Широко понимая интересы России, он и смотрел на русский народ и его нужды так, как это было свойственно его широкой русской натуре, оставаясь всегда на страже этих интересов и нужд.

Вот чем, главнейшее, объясняется общая печаль, которая так неподдельно проявилась при известии о кончине И.С. Аксакова.

Мы не погрешим против истины, если скажем, что печаль о потере такого серьезного русского публициста и почтенного деятеля разделяется у нас почти всеми, без различия направлений и партий.

Если к этому присовокупить, что Россия пока не очень богата выдающимися писателями в области публицистики, то станет понятным, почему в данном случае всеобщая печаль еще более увеличивается.

Главная заслуга покойного заключается в том, что он прямо ставил вопрос и давал прямой на него ответ.

Можно было не соглашаться с его воззрениями, но нельзя было не выслушать его.

Глубоко веря в историческое призвание русского народа, И.С. Аксаков во многом понимал вещи не так криво и узко, как некоторые публицисты как бы одного с ним пошиба. Поэтому когда эти публицисты — еще так недавно — забили в набат против суда присяжных, Иван Сергеевич со свойственной ему искренностью стал на защиту этого народно-правового института.

Его мужественная речь на защиту суда присяжных была выслушана как слово правдивого русского человека, правильно, с убеждением говорящего о том, что полезно для России.

Мы особенно подчеркиваем эту заслугу Ивана Сергеевича на пользу наших Судебных уставов.

В то время, когда отовсюду сыпались ярые нападки на Судебные уставы, слово независимого публициста, в честность которого все верили, имело решающее значение. Его защита суда присяжных, конечно, произвела большее впечатление, нежели софизмы разных публицистов, менявших свое убеждение об этом лучшем из судебных учреждений, смотря по надобности.

Такая великая заслуга Ивана Сергеевича Аксакова уже сама по себе способна вызвать в каждом русском искреннее пожелание над свежей могилой его: «Мир праху твоему, честный патриот, истинный сын отечества!»

АКСЕНЕНОК ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

*

Советская юридическая наука понесла тяжелую утрату. Ушел из жизни ветеран партии, войны и труда, член-корреспондент АН СССР профессор Г.А. Аксененок.

Г.А. Аксененок был крупным советским ученым и организатором аграрно-правовой науки. Его перу принадлежал ряд фундаментальных монографических исследований. Многие годы он заведовал сектором земельного и колхозного права Института государства и права АН СССР.

В период Великой Отечественной войны Г.А. Аксененок занимал различные должности в военных прокуратурах Ленинградского гарнизона и фронта, был тяжело контужен. Он награжден тремя боевыми орденами: Отечественной войны I и II степени и Красной Звезды, а также многими медалями.

После войны Г.А. Аксененок успешно трудился на постах заместителя начальника гражданско-судебного отдела Прокуратуры СССР, а затем заведующего правовым отделом Совета по делам колхозов при Правительстве СССР, совмещая ответственную практическую работу с научно-педагогической деятельностью. В 1950 году в свет вышла его первая монография «Право государственной собственности на землю в СССР», во многом предопределившая круг его последующих научных интересов. По существу это было первое крупное монографическое исследование в науке советского земельного права, поставившее ряд сложных и во многом спорных теоретических проблем. По многим из них и в наши дни высказываются различные суждения. Вполне понятно, что книга в те годы была объектом острых научных дискуссий.

В 1953 году Г.А. Аксененок переходит на должность старшего научного сотрудника в Институт государства и права АН СССР. В том же году в журнале «Советское государство и право» публикуется его статья, посвященная актуальным вопросам земельного права.

В 1955 году ученый успешно защищает докторскую диссертацию и избирается заведующим сектором земельного и колхозного права Института государства и права АН СССР, а в 1958 году публикует фундаментальную монографию о возникновении и развитии земельных правоотношений в СССР.

Однако научные интересы Г.А. Аксененка не исчерпывались сферой земельного права. Свидетельство тому — вышедшая в 1960 году монография «Правовое положение совхозов в СССР». В рецензиях отмечалось, что это первое серьезное комплексное исследование на данную тему.

* Советское государство и право. 1989. № 7.

В 50–60-х годах в Институте государства и права АН СССР, а также в других научно-исследовательских юридических учреждениях и вузах страны активно разрабатываются теоретические проблемы кодификации советского законодательства, в том числе таких важных его отраслей, как земельное, водное, лесное, горное, колхозное право. Проводятся всесоюзные и республиканские научные конференции, по итогам работы которых издается ряд сборников научных статей. Г.Л. Аксененок — неизменный организатор и активный участник этих конференций и публикаций.

1986 год особая веха в жизни ученого. Его избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР. К научной работе добавляются обязанности члена бюро Отделения философии и права АН СССР, члена бюро Комиссии по охране и производительному использованию природных ресурсов при президиуме АН СССР, члена различных научных советов. В течение многих лет он занимался научно-координационной работой в качестве заместителя председателя научного совета «Закономерности развития государства, управления и права».

Большой вклад Г.А. Аксененок внес в развитие сотрудничества ученых юристов-аграрников европейских социалистических стран. Он участвовал в научных конференциях этих стран по сельскохозяйственному праву и выступал на них с докладами.

Г.А. Аксененок стоял у истоков сотрудничества между Институтом государства и права АН СССР и итальянским Институтом международного и сравнительного аграрного права во Флоренции. В 1960 году он был избран действительным членом этого Института, а с 1978 года являлся также членом его научного комитета.

Отличительная черта всех трудов Г.А. Аксененка, как и его научно-организаторской деятельности, — глубокая идейность, научная убежденность и партийная принципиальность, кровная заинтересованность в надлежащем разрешении научных проблем в интересах коммунистического строительства в нашей стране.

В 60-е годы Г.А. Аксененок был заместителем главного редактора журнала «Советское государство и право».

Партия и Правительство высоко оценили научные и трудовые заслуги Г.А. Аксененка, наградив его орденом Октябрьской Революции и двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Память о Г.А. Аксененке навсегда сохранится в сердцах всех, кто его знал.

АЛЕКСАНДРОВ ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ

*

Оборвалась жизнь замечательного человека, коммуниста, видного работника, ветерана советской прокуратуры Георгия Николаевича Александрова. Он родился 30 апреля 1902 года в Москве. Рано начав трудовую деятельность, прошел сложный жизненный путь. Юношей участвовал в гражданской войне, воевал в рядах Первой Конной армии. После демоби-

лизации работал следователем, юрисконсультom. С 1934 года он в аппарате Прокуратуры СССР, здесь в 1943 году вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

Георгий Николаевич в течение многих лет работал заместителем начальника следственного управления, помощником Генерального прокурора СССР для особых поручений.

Он принимал непосредственное участие в работе Международного трибунала в Нюрнберге — был начальником следственной части советской делегации и одним из обвинителей по разоблачению главных нацистских военных преступников. В 1969 году активно участвовал в подготовке и проведении Международной конференции по вопросам преследования нацистских преступников.

До последних дней он участвовал в общественной жизни коллектива Прокуратуры СССР, партийной организации, много сил и энергии отдавал воспитанию молодых работников, был ученым секретарем Методического совета Прокуратуры СССР. Его всегда отличали доброта, участливое отношение к людям, партийность, требовательность и принципиальность. Эти черты снискали Георгию Николаевичу глубокое уважение товарищей по работе и всех, кто его знал. Он награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, медалями, ему присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР».

Светлая память о Георгии Николаевиче Александрове — верном сыне Коммунистической партии и советского народа — навсегда сохранится в наших сердцах.

*

23 июня 1979 года оборвалась жизнь одного из старейших работников советской прокуратуры, члена КПСС с 1943 года, государственного советника юстиции 3 класса Георгия Николаевича Александрова.

Г.Н. Александров родился 30 апреля 1902 года в Москве, 15-летним юношей начал он свою трудовую деятельность в сельскохозяйственной коммуне, в 17 лет добровольцем вступил в Красную Армию и до сентября 1921 года участвовал в боях по ликвидации белогвардейских банд.

После демобилизации из армии, в трудный период становления Советской власти, Г.Н. Александров — следователь прокуратуры Хамовнического района г. Москвы, затем прокуратуры Орехово-Зуевского района Московской области.

По окончании юридического факультета Московского университета с 1934 года он работает в центральном аппарате Прокуратуры СССР следователем по особо важным делам, прокурором и начальником отделения следственного отдела, заместителем начальника следственного управления, прокурором для особых поручений, помощником Генерального прокурора СССР.

Г.Н. Александров принимал участие в работе Нюрнбергского международного трибунала в качестве начальника следственной части совет-

* Правоведение. 1979. № 5.

ской делегации, был одним из обвинителей на Нюрнбергском судебном процессе, успешно выполнял ответственные задания по разоблачению главных нацистских преступников. Позднее он был в числе организаторов проведения Международной конференции по вопросам преследования нацистских преступников (1969).

Много сил и энергии отдавал Георгий Николаевич общественной деятельности, воспитанию подрастающего поколения, являлся ученым секретарем Методического совета Прокуратуры СССР, членом редколлегии журнала «Правоведение».

На всех участках работы Г.Н. Александров показал себя высококвалифицированным юристом, опытным руководителем. Его отличали высокие партийные качества: требовательность, принципиальность, внимательное и чуткое отношение к людям. Трудолюбием, примерным исполнением служебного и партийного долга он снискал глубокое уважение товарищей по работе и всех знавших его людей.

За заслуги в укреплении социалистической законности и самоотверженный труд Г.Н. Александров награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, медалями, ему присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР».

Светлая память о Георгии Николаевиче Александрове — замечательном человеке, верном сыне Коммунистической партии — навсегда сохранится в наших сердцах.

АЛЕКСАНДРОВ НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

*

28 января 1974 года на 66-м году жизни скоропостижно скончался член КПСС с 1939 года, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук профессор кафедры трудового права Московского университета Николай Григорьевич Александров.

В 1929 году Н.Г. Александров окончил юридический факультет Московского университета и был оставлен для педагогической деятельности. С 1934 года он — доцент факультета советского права МГУ, а с 1936 года — заведующий сектором трудового права Всесоюзного института юридических наук.

С 1943 года Н.Г. Александров заведовал кафедрой трудового права, а затем кафедрой теории государства и права Московского юридического института.

В 1954 году ему присваивается звание профессора.

В 1954 году Н.Г. Александров перешел на должность профессора кафедры теории государства и права, а с 1958 года и до последних дней жизни являлся заведующим кафедрой трудового права юридического факультета МГУ.

Перу Н.Г. Александрова принадлежит свыше 200 научных работ, в том числе такие широко известные юридической общественности, как

«Трудовое правоотношение» (1948), «Законность и правоотношения в социалистическом обществе» (1955), «Право и законность в период строительства коммунизма» (1961), «Сущность социалистического государства и права» (1972).

Труды Н.Г. Александрова по общей теории государства и права, трудовому праву и праву социального обеспечения оказали большое влияние на развитие советской юридической науки и подготовку высококвалифицированных юристов.

Н.Г. Александров — автор ряда учебников по советскому трудовому праву (1949, 1954, 1959 и 1963). В соавторстве и под его редакцией издан целый ряд учебников по трудовому праву (1966 и 1972) и общей теории государства и права (1963 и 1968).

Многие труды Н.Г. Александрова переведены на иностранные языки, свыше 50 работ издано в зарубежных социалистических странах.

Большое внимание Н.Г. Александров уделял подготовке научных кадров. Среди его учеников 11 докторов и более 60 кандидатов юридических наук.

Своими теоретическими трудами и практической деятельностью Н.Г. Александров внес значительный вклад в разработку советского законодательства. В частности, он принимал активное участие в подготовке таких важнейших законодательных актов, как Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (1970), Кодекс законов о труде РСФСР (1971).

Научно-исследовательскую деятельность Н.Г. Александров сочетал с активной общественной работой. Он был секретарем межкафедрального партбюро, на протяжении многих лет — постоянным лектором Московского городского комитета КПСС, членом общества «Знание», в котором долгие годы руководил правовой секцией.

Со дня основания журнала «Правоведение» Н.Г. Александров являлся членом редакционной коллегии журнала.

За заслуги перед советской юридической наукой и высшим юридическим образованием Н.Г. Александров был награжден орденом «Знак Почета» и медалями.

Светлая память о Николае Григорьевиче Александрове навсегда сохранится в сердцах всех, кто его знал.

АЛЕКСЕЕВ АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ

*

4 марта скончался в Москве заслуженный профессор Московского университета Александр Семенович Алексеев, видный представитель русской науки государственного права. Уроженец Москвы, воспитанник 2-й московской гимназии, А.С. Алексеев в 1873 году окончил юридический факультет Московского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Через три года по окончании университета

* Исторический вестник. 1916. № 4. С. 298–299.

А.С. Алексеев получил звание магистра государственного права, а с 1880 года начал свою преподавательскую деятельность в Московском университете, причем с 1885 года ему была предоставлена кафедра государственного права. Кафедру эту профессор Алексеев занимал до 1911 года, когда вместе с другими профессорами вышел из университета в виде протеста против действий министра народного просвещения Кассо, уволившего А.А. Мануйлова, занимавшего тогда пост ректора Московского университета. Научная деятельность профессора Алексеева носила разносторонний характер, но все же главное внимание свое А.С. Алексеев уделял истории политических учений; из этой же области были взяты им темы его диссертаций: магистерской — «Макиавелли как политический мыслитель» и докторской — «Этюды о Жан-Жаке Руссо; связь политической доктрины Руссо с государственным бытом Женевы». После 1905 года, когда был преобразован государственный строй России, профессор Алексеев энергично занялся разработкой норм положительного русского государственного права, чем немало содействовал теоретическому освещению многих вопросов, впервые возникавших в новой русской конституционной практике. Одна из последних по времени статей профессора Алексеева, относящихся к данной области, — «Юридическая природа манифеста 17 октября 1905 года», была напечатана в «Вестнике по поводу десятилетия манифеста 17 октября». Помимо указанных выше диссертаций, профессором Алексеевым было издано «Русское государственное право», а также напечатан целый ряд статей: «Безответственность монархов и ответственность министров», «К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве», «Начало верховенства права в современном государстве» и др. Работал А.С. Алексеев также и в периодической печати, помещая в «Русских Ведомостях» многочисленные статьи по различным вопросам политическим и юридическим. По политическим своим воззрениям профессор Алексеев примыкал к конституционно-демократической партии. В качестве общественного деятеля А.С. Алексеев принимал участие в жизни московского городского самоуправления, состоя гласным думы. Заслуги профессора Алексеева как ученого и общественного деятеля были достойным образом отмечены избранием его в 1910 году председателем Московского юридического общества. Умер Александр Семенович Алексеев 65 лет, оставив незаконченными работы свои, посвященные теории конституционного государства и вопросу о юридической природе конституционной монархии. (Некролог его: «Южный Край», 1916, № 13250.)

АЛЕКСЕЕВ-КУНГУРЦЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

*

17 июня покончил жизнь самоубийством один из молодых писателей наших, беллетрист Николай Николаевич Алексеев, известный под своей литературной фамилией Кунгурцев. Покойный родился в Петербурге в

1871 году и среднее образование получил в местной третьей гимназии, а высшее — на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Для добывания средств к жизни он занимался репетиторством, перепиской и, чувствуя в себе способность писать, отдался в конце концов литературе. Едва ли не с благословения И.И. Ясинского, у которого давал уроки детям его, он написал свой первый исторический роман, который был помещен в «Биржевых Ведомостях», и с этого времени он сделался заправским литератором, помещая статьи, романы, повести, рассказы и очерки как в названной газете, так и в «Ежемесячных Сочинениях», «России», «Живописном Обозрении» и пр. Отдельно изданы его «Лжецаревич», «Заморский выходец», «Рабы и владыки» — из времен царя Феодора Иоанновича, «Суд Божий», эпизод из времени бунта Стеньки Разина, «Среди бед», «Преступный путь», «Татарский отпрыск» — из времен Иоанна Грозного, «Воля судьбы», «Розы и тернии», «Отжившие тени», «Сборник исторических и бытовых повестей и рассказов» и проч. У Алексева было несомненное литературное дарование, но таланту не дали развиваться вечная забота о куске хлеба и связанная с нею литературная поденщина, работа наспех, с понятным стремлением написать как можно больше и показать товар лицом, в смысле выбора сюжета позабористее, покрикливее... Десять лет работы — и в результате лечебница для нервнобольных, короткий просвет, живые мечты о лучшем будущем и... смерть. За час до кончины он был настроен светло и радостно, хотя в последнее время сведения о несчастьях, переживаемых Россией, сильно влияли на него в неблагоприятном смысле. Страшно стало жить! — говаривал покойный. О печальном конце никто не догадывался. Покойный, несомненно, любил отечественную историю. В прошлом году он собирался даже сам издавать дешевый «Исторический журнал». Выхлопотано было уже и разрешение. Потому ли, что разрешение было получено довольно поздно, или по другим причинам, только подписчиков нашлось немного, всего сотни две. Поневоле пришлось на время от издательства воздержаться, причем ликвидация подписки была передана г. Ясинскому. (Некрологи его: «Слово», 1905, № 184 и «Петербургский Листок», 1905, № 156.)

АЛЕКСЕВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

*

Ушел из жизни удивительный человек — Сергей Сергеевич Алексеев. Это случилось 12 мая, вчера девять дней прошло, как его не стало. Известный советский и российский ученый с мировым именем, философ и теоретик государства и права, создатель Исследовательского центра частного права, приложивший немало сил к возрождению этого юридического направления в нашей стране. Педагог, воспитавший не одно поколение юристов. Политический деятель, считавший своим главным достижением не высокие посты, а закрепление в Основном Законе страны положения о том, что права и свободы человека должны определять смысл и содержание деятельности

* Российская газета. 2013. 21 мая.

всех ветвей власти. Самая главная «должность» юриста Алексеева — один из создателей действующей Конституции Российской Федерации.

Борис Ельцин поручил нам с Сергеем Алексеевым срочно подготовить «президентский» проект Конституции весной 1993 года, чтобы, как он говорил, «не идти на референдум с пустыми руками». Отвечая прессе на многочисленные вопросы, почему он выбрал именно Сергея Сергеевича в качестве одного из ключевых юристов для доработки текста Основного Закона, президент РФ особо подчеркивал, что уважает его как «нейтрального профессионала».

Этот нейтральный профессионализм и принципиальность, ценимые во все времена, но особенно в периоды политических конфликтов, Сергей Сергеевич проявлял во всем.

Ради успеха общего дела он мог отказаться от собственных амбиций. Как известно, в 1992 году вместе с Анатолием Собчаком и другими коллегами из Российского движения демократических реформ он написал свой проект нового Основного Закона для страны. Но когда началась работа над окончательным текстом Конституции, он сразу же заявил о необходимости отложить все личные проекты в сторону и относиться к ним лишь как к источнику тех или иных идей, формулировок. Многим юристам и в то время, и сейчас подобный подход к собственным наработкам дается с большим трудом, или не дается совсем.

Сергей Сергеевич обладал уникальной особенностью смотреть далеко за горизонт текущих событий и, оставаясь «на стороне» исключительно одной лишь науки, мог удивительно точно и глубоко оценивать не только юридический, но и политический смысл бурных событий 1990-х годов.

Например, в апреле 1993 года, когда завершился знаменитый референдум «да — да — нет — да», именно С.С. Алексеев первым отметил, что, поставив на всенародное голосование вопрос о доверии себе и правительству, президент Российской Федерации в итоге фактически повторно выиграл выборы, получив на референдуме «новую легитимизацию».

Конечной целью работы над новым Основным Законом Сергей Сергеевич считал не закрепление интересов каких-то политических сил, а скорейшее восстановление общественного согласия. Он подчеркивал, что проект Конституции — это «возрождение и единение России, ее народа, конец тоталитарного режима». Он был уверен, что мы пишем документ для каждого человека, а не для власти, и часто повторял: «Пусть каждый россиянин поймет и скажет: “Это моя Конституция!” Только тогда она будет принята народом».

Сергей Сергеевич умел кратко и доходчиво объяснять непрофессионалам самые сложные вещи. Наверное, на таком уровне простоты и глубины читают свои лекции нобелевские лауреаты, хотя юристам Нобелевские премии не присуждают. Эта особенность Сергея Сергеевича помогала ему очень быстро включать в содержательное и полезное обсуждение юридических проблем большой круг людей, которые не имели, как нынче принято говорить, «юридического бэкграунда».

В апреле 1993 года, выступая перед членами Конституционного совещания, Сергей Сергеевич просто и образно сформулировал суть новой